

Приложение

Будущее в прошлом. Исторические публикации

**Ота Шик и Дмитрий Менделеев
о синтезном социализме**

Российская интеллигенция все годы, начиная с перестройки, повторяет: “Иного не дано!” По сезону: при Горбачеве не было дано иного, кроме как социализма с гласностью, при Ельцине — рыночного, то бишь капиталистического строя. Левая интеллигенция с последним не соглашается, но предлагает взамен либо эклектическую крошку из марксизма, западной социал-демократии и элементов трудового самоуправления, либо утверждает, что новую альтернативу капитализму еще предстоит выработать. То, что “иное” уже давно “дано”, им невдомек. В частности игнорируется проект реформ Пражской весны, и он по этой причине почти неизвестен в России.

Чтобы дать читателю о нем представление, ниже публикуется несколько сокращенный текст доклада Ота Шика, сделанного им в 1970 году в Западной Германии вскоре после его эмиграции из Чехословакии.

Напомню, Ота Шик, экономист с мировым именем, был руководителем группы чехословацких ученых, подготовивших в 60-х годах реформы политической и экономической жизни в ЧССР. В молодости Ота Шик (год рождения 1919) был узником нацистских концлагерей. В 1945 году вступил в Коммунистическую партию Чехословакии. К 1968 году он занимал пост директора Института экономики АН, был членом Президиума ЦК КПЧ. В период Пражской весны Шик стал главной мишенью для атак советской пропаганды, и интересно отметить, что в силу латентного фашизма партийно-государственной номенклатуры нашей страны, советские СМИ представляли Ота Шика как агента “сионизма”, используя то обстоятельство, что в России его фамилия воспринимается как еврейская.

После вступления войск Варшавского договора в ЧССР (22 августа 1968 года) Ота Шик эмигрировал в Швейцарию, где преподавал экономику в Университете Сент-Галена и был одним из лидеров международного движения “Третий путь”. Под тем же названием выпустил книгу, в которой изложил свои взгляды и идеи. Книга была издана на многих языках, кроме русского. О научном авторитете Шика говорит например такой факт, что когда в начале 70-х годов Конгресс США обсуждал возможность перехода к политике “детанта” (разрядки напряженности) с СССР, Ота Шик в числе восьми выдающихся экономистов мира был приглашен в Конгресс изложить свое мнение по этому поводу.

Предлагаемый ниже доклад Ота Шик сделал во Франкфурте-на-Майне перед аудиторией чехословацких политэмигрантов. Это было его первое выступление в эмиграции.*

Доклад Ота Шика

Дорогие друзья! Это — мой первый доклад в чешской среде после того, как я оставил родину. К сожалению, я не могу вам сказать того, что вас — и меня тоже — больше всего интересует, а именно: когда и как изменится обстановка у нас на родине. Нет смысла рассказывать и о том, что происходит там сегодня, — я знаю об этом примерно столько же, сколько и вы. Не стоит также тратить времени и уверять друг друга в том, что виновата во всем система, которая, как оказалось, не имеет абсолютно ничего общего с социализмом (вопреки всем первоначальным представлениям части бывших коммунистов о справедливом, гуманном социалистическом обществе). Вскоре после революции многие из нас осознали, что мы во время войны, концентрационных лагерей и задолго до этого желали совсем не того, что было осуществлено на практике.

Мне часто задают вопрос: как и когда мы это осознали? И я хотел бы на него ответить прежде, чем говорить о более принципиальных проблемах.

---

* Текст доклада был опубликован в русском эмигрантском журнале “Грани”, Франкфурт-на-Майне, 1972, № 86. Здесь воспроизводится в некотором сокращении.

Приложение

Мы стали понемногу осознать это примерно в пятидесятых годах, когда начались процессы, и совершенно ясно осознали в 1956 году, когда Хрущёв запросто, как говорится на все сто процентов, подтвердил, что все то, что до этого именовалось буржуазной пропагандой — правда.

Думаю, что в коммунистическую партию пришло немало людей с искренним желанием служить социализму. В особенности, по-моему, такой была коммунистическая молодежь до войны. Сегодня мы хорошо видим, что тогда у нас были упрощенные представления: мы считали, что достаточно лишь упразднить буржуазную власть, капиталистическую собственность, ввести планирование, как сразу воцарится порядок и все станет лучше, чем было раньше.

Сейчас эти наши рассуждения звучат наивно. Однако тот факт, что и сегодня на Западе часть молодежи снова приходит к таким же убеждениям, по-моему, оправдывает тогдашнюю нашу наивность. Думаю, что любой молодой человек склонен к упрощениям и готов поверить в то, что можно быстро и легко коренным образом изменить мир. Когда мы потом увидели, что реальность не имеет ничего общего с нашими представлениями, мы оказались перед выбором. Для меня лично этот момент наступил примерно в 1956 году, после XX съезда КПСС. Передо мною возник вопрос: выходить из партии или попробовать что-то изменить?

Нас было мало: группка людей в Высшей партийной школе. Интересно, что именно так мы себе и сказали: если дело в этом, то нам следует попытаться исправить наши собственные ошибки, вернее, изменить присущие системе качества. Мы способствовали их внедрению, мы и попробуем их исправить. С 1956—1957 года мы начали работать в этом направлении. Сегодня я сделал бы то же самое. Я полагаю, что такое решение — более принципиально и серьезно, чем просто выйти из партии. В то время я был еще мало кому известным молодым человеком, и для меня было бы куда проще со всем этим разделаться. Но, как видите, мы стали подготавливать изменения, готовили их около десяти лет, с 1957 года, и нам это почти удалось.

Примерно в 1957 году я начал теоретически разрабатывать иную модель социалистического общества. Я и сегодня

подтверждаю, что остался социалистом. Однако при этом я делаю принципиальное различие между социализмом и коммунизмом. С коммунизмом как с представлением об обществе, которое основывается на официально принятой марксистско-ленинской теории и которое осуществлено на практике, я разошелся окончательно, причем не в эмиграции, а гораздо раньше. Концепцию коммунизма нельзя отделять от его практического осуществления. Другого коммунизма нет, нигде не установлено, и до сегодняшнего дня нет и иного теоретического представления о нем. Поэтому для меня понятие “коммунизм” просто тождественно известной нам практике и теории, и внутренне я давно уже порвал с такими основными принципами коммунистического общества, как диктатура пролетариата, ведущая роль одной партии, государственная собственность, централизованное директивное планирование и т.д. Это — основные столпы коммунистической системы, и я принципиально их отвергаю.

Мы пытались добиться изменений путем реформ, которые должны были завершиться упразднением перечисленных принципов. Это я хотел бы особенно подчеркнуть. Однако не думаю, что все это должно означать отход от социализма.

Я и сегодня не изменил своей критической точки зрения на западное капиталистическое общество. Наоборот, во время пребывания за границей некоторые мои критические взгляды лишь углубились и укрепились. И этого я никогда не скрываю. Я читаю лекции в двух швейцарских университетах, читаю их по всему миру, главным образом в университетской (студенческой) или “деловой” среде, везде выражаю открыто свое критическое отношение к коммунистической системе, но это вовсе не означает, что я перешел на позиции нынешнего капиталистического общества. Напротив, гораздо больше, чем раньше, я убежден, что на Западе развитие приведет к созданию определенной модели социалистического общества, которое, однако, будет иметь совсем иной характер, чем в теперешних так называемых социалистических странах.

Чехословацкая модель управления

Значит ли это, что мы предполагали совсем расстаться с планированием? Нет, мы с ним расстаться не хотели, так как не были такими наивными “товарными” идеалистами-экономистами, какими нас беспрерывно изображают на Западе. Все это пустая демагогия. Мы ведь все-таки знали, что сегодня ни одна западная страна не имеет абсолютно свободного товарного хозяйства, что везде существуют элементы планирования, а в новых государствах — даже плановое государственное влияние на экономическое развитие, по меньшей мере так называемая конъюнктурная политика. Но мы знали, что и этого еще мало. Мы стремились к такому планированию, которое не только обеспечивало бы равномерный и относительно постоянный рост хозяйства, но и развитие хозяйства в направлении, отвечающем интересам большинства народа. А без государственного вмешательства, при стихийном развитии торговли, этого добиться нельзя. Без государственного вмешательства, даже при существующем уровне государственного регулирования, производители, особенно монопольные предприятия (концерны), сегодня еще достаточно сильны и независимы. Они, я бы сказал, дирижируют производством и насилуют государственное экономическое развитие в угоду своим узким монопольным интересам. Поэтому должен существовать какой-то более компетентный общественный орган, который смог бы, вопреки узким интересам производителя, добиваться удовлетворения широких общественных интересов. Иначе говоря, мы хотели прийти к так называемому макроэкономическому планированию, которое, с одной стороны, не ставило бы предприятиям никаких связывающих целей, но с другой — должно было бы служить основой экономической политики власти. Планы же, и мы подчеркивали это, должны были носить демократический характер. Это значит, что во всех комиссиях, от низовых до самых высших инстанций, до парламента, всегда, грубо говоря, должны быть две “палаты”, представляющие интересы производителей и непроизводителей. Непроизводители — это люди, представляющие иные, не чисто производственные, а скорее гуманистические интересы общества. Они могли бы, например, поднимать проблемы улучшения школьно-

го образования, социального обеспечения, медицинского обслуживания, сокращения рабочего времени, вопросы урбанизма, охраны природы и т.п., иначе говоря, интересы производителей должны были бы постоянно уравниваться интересами непроизводителей. При таком демократическом способе планирования, что мы опять-таки подчеркивали, должен был бы разрабатываться не один, а два-три варианта плана, чтобы высшие демократические органы имели возможность выбора одного из вариантов или компромисса между двумя вариантами. В этом — радикальное отличие от прежнего планирования, при котором план составляло плановое учреждение, а выбора вообще никакого не было.

Демократический характер планирования проявлялся бы еще и в том, что для предприятий план не являлся бы обязательным; мы подчеркивали его ориентировочный характер: он должен был ставить долгосрочные цели. Таким образом, общество могло бы его направлять по своему желанию. Скажем, решено повысить материальное положение. Хорошо, в таком случае должно повышаться производство материальных ценностей и материальное потребление. А быть может, общество сочтет, что повышать производство материальных ценностей следует медленнее, зато надо, например, как можно скорей улучшить медицинское и другое социальное обслуживание, или образование, или сократить рабочее время и т.п. и т.д. Короче говоря, если общество изберет иные цели, то для достижения этих целей будут открыты все возможности. Правительство должно добиваться этих запланированных целей, используя хозяйственно-политические инструменты — политику налогов, кредитования, таможенную политику и т.д. С одной стороны, рынок должен заставлять производителя обеспечивать самое эффективное и оптимальное производство, но с другой — сам рынок должен быть подчинен основным долгосрочным целям общества. Таково было в общих чертах наше представление о планировании.

Для этого нам нужна была подлинная заинтересованность производителей в наиболее эффективном процессе производства. Поэтому нужно было добиться, чтобы предприятия повели себя так, как ведет себя частное предприятие в торговом хо-

Приложение

зайстве, т.е. чтобы это предприятие заботилось о самом рациональном, самом эффективном развитии, но чтобы это не было одновременно возвратом к капитализму. Такого возврата мы не хотели.

Наша деятельность (и я постоянно это подчеркиваю) никоим образом не была шагом назад, если отбросить, конечно, бессмысленные догматические представления о том, что социализм существует только там, где обобществлен последний портной. Это — глупость. Наоборот, в масштабах небольшого производства, основанного на труде самого хозяина, мы допускали возобновление частного предпринимательства. Но на больших промышленных предприятиях никто не хотел возврата к капитализму. Из них мы стремились создать коллективные социалистические предприятия, то есть такие, где владельцем должен стать коллектив; он сам должен был выбирать своих представителей. В те весенние месяцы мы окрестили такой орган “советом трудящихся предприятия”. Он не должен был подменять директора; задача совета заключалась не в управлении производством, а в том, чтобы быть вышестоящим контрольным органом.

На Западе существуют “управительные советы”, но они представляют интересы акционеров, то есть людей, стоящих вне предприятия; у нас же должны были быть учреждены управительные советы, представляющие сам коллектив предприятия. И эти советы, подобно западным, в случае необходимости были бы полномочны назначать или смещать директоров. Их задача заключалась бы в контроле, в перспективном управлении и проверке того, отвечает ли данное управление предприятием основным целям коллектива предприятия. Для этого, конечно, следовало добиться изменения образа мышления производителей. Но именно этого следует добиваться и на Западе.

Разрешите мне сделать короткое отступление. Я не приверженец борьбы за простое право участия рабочего в решениях предприятия, когда он остается лишь рабочим и когда его заинтересованность предприятием ограничивается только заработком. При таких условиях его участие в решениях может оказаться неполноценным, так как и там он будет доби-

ваться только повышения заработной платы, считая себя представителем интересов рабочих; в таком случае в сегодняшней ситуации по сути ничего не изменится. Более того, инфляционное развитие, со всеми его отрицательными сторонами, может еще усугубиться.

Мы хотели преодолеть отчуждение трудящихся от своих предприятий, превратить их в его действительных полноценных совладельцев. Судьба предприятия должна быть в их руках. Отсюда вытекало, что после уплаты налогов государству — нормальных налогов, — доход принадлежал бы предприятию, а как этот доход в дальнейшем распределялся бы — явилось бы уже делом самого предприятия. Оно само должно решать, какая часть дохода пойдет на развитие производства, на капиталовложения. При этом мы предусматривали отчисление части дохода не только на нужды собственного предприятия. Мы хотели ввести и расширенный фонд капиталовложений, то есть считали нужным дать возможность предприятиям (если они не могут вложить часть дохода в собственное производство) помещать эти средства в другое предприятие, конечно, всегда в форме долгосрочного кредита, однако на более выгодных условиях, с более высокими процентами, чем если капитал был бы положен в банк. Коллектив, через своих представителей, должен был бы решать, какую часть он считает возможным вложить в собственное предприятие, какую — в случае необходимости — в другое дело, а какую — разделить между собой в качестве доли участия в прибыли. По нашим расчетам, эта часть должна быть достаточно крупной, чтобы заинтересовать работников в увеличении дохода. Мы рассчитывали, что участие в получении прибыли должно составлять в среднем около двадцати процентов, а впоследствии, по отношению к основной зарплате, и больше.

Мы хотели таким способом пробудить в рабочих заинтересованность не только в своем личном заработке, но и в развитии всего предприятия; чтобы они усвоили мысль, что с повышением общего дохода их предприятия в последующие годы будут расти и их личные доходы. Мы хотели, чтобы образ мышления человека, заинтересованного только в заработке, сменился образом мышления человека-хозяина, по-настоящему за-

Приложение

интересованного в хозяйственном творчестве и имеющего реальную возможность через своих представителей принимать в этом творчестве участие. Таково было наше основное представление о создании — я бы их так назвал — социалистических промышленных предприятий.

Выше я упомянул о проблеме капиталовложений. Одна из причин беспомощности нашей сегодняшней социалистической системы в том, что только центр решает вопрос о создании новых предприятий. А по сути в решении его обязаны принимать участие все хозяйства. Центр не только не способен управлять всей промышленностью, он не способен даже решить, когда и где надо создавать новые предприятия. В современном промышленно развитом хозяйстве непрерывно возникают пустоты — новое пространство, которое следует заполнять.

На Западе двигателем служит частная инициатива предпринимателей, непрерывно выявляющих, где что вырабатывается в недостаточном количестве, то есть те “пустоты”, где спрос растет быстрее предложения, чем и определяются новые возможности применения капитала; или наоборот — анализируется, во что невыгодно вкладывать капитал или какое производство стоит разделить на самостоятельные единицы.

Старое представление о том, что в некоем будущем все производства сконцентрируются в немногих руках в гигантские корпорации, а малые и новые производства исчезнут — полная бессмыслица; это всего лишь догматическое заклинание. И в самом современном хозяйстве невозможно обойтись без непрерывного создания новых мелких предприятий, из которых снова вырастают средние, и так далее. Эта проблема была для нас одной из наиболее ответственных, и мы старались здесь найти наиболее гибкое и эластичное решение. В связи с этим мы предполагали снова допустить частные предприятия, принадлежащие мелким производителям-ремесленникам, а также в сфере обслуживания и т.д., то есть создать настоящие живые общества, в противоположность бюрократившимся государственным предприятиям, какие были у нас до сих пор. Для таких новых обществ достаточно было бы объединения десятка людей с хорошей идеей. Но им следовало предоставить свободу основывать новые предприятия, дешевый кредит и

всяческую другую поддержку. Следовало дать возможность и промышленным предприятиям за свои средства самим открывать новые предприятия, но таким образом, чтобы у них была в этом заинтересованность. Наконец, и банкам, общинам и государству следовало предоставить возможность самостоятельно основывать предприятия и т.д. Одним словом, следовало создать поле для широкой экономической инициативы, чтобы хозяйство в своей эластичности не отставало от экономики Запада. С моей точки зрения, такой принцип эластичной системы предпринимательства можно было осуществить.

За коллективную собственность

Таковы были наши представления об экономических реформах. Вы видите, что намеченная нами модель хозяйства не имела в своей основе ничего общего с бюрократическим коммунистическим хозяйством, и тем не менее в ней сохранялась главная идея — коллективная собственность в крупном предпринимательстве. Я считал, что коллективная собственность так или иначе, но пробьет себе дорогу и у нас, и на Западе, хотя бы это произошло и через несколько десятилетий.

Сегодня уже и западное хозяйство, даже при условии полной занятости, не может себя упорядочить. Полная занятость — это новый фактор, который сам по себе входит в противоречие с капиталистическим хозяйством, так как в условиях полной занятости спрос на рабочую силу всегда обгоняет предложение. Вы сами наблюдаете, что в развитых странах Запада без рук иностранных рабочих в настоящее время уже не обойтись. Я убежден, что инфляционное развитие — одно из типичных явлений в хозяйстве с полной занятостью, где сами получатели зарплаты, борясь за более высокие заработки, заставляют капиталистов постоянно поднимать цены. Повышение же цен снова приводит к повышению зарплаты, а повышение зарплаты — к повышению цен и так далее. Получается бесконечная цепь, и в данных условиях, по-моему, этот процесс не смогут остановить никакие государственные органы и никакие уговоры. При данных условиях с этим явлением в принципе справиться невозможно.

Поэтому сейчас не только в социалистических, но и в несоциалистических кругах проявляется огромный и все возраста-

Приложение

ющий интерес к новому начинанию — “Vermögensbildung”, цель которого — превратить рабочих в совладельцев капитала. Для проведения этого мероприятия в жизнь существуют самые разнообразные проекты, но все они доказывают, что общее развитие идет именно в этом направлении. Следует учесть и то, что старыми способами уже невозможно поддерживать заинтересованность рабочих в труде. Раньше давление безработицы внушало нужную трудовую мораль. Но как только это давление исчезает, директор становится перед неразрешимой проблемой и начинает метаться между интересами акционеров и давлением рабочих. Он отлично знает, что любой рабочий может ему в любой момент сказать: “Прощайте, я ухожу на другое предприятие”.

Эти факторы, по-моему, приведут к тому, что и на Западе со временем победит движение за участие рабочих в доходе предприятия и постепенно превратит их из получателей зарплаты в совладельцев капитала. Общество изменилось, и новые условия его существования уже не соответствуют разделению общества на малую группу капиталистов и большую группу получателей зарплаты. Конечно, все это не должно приводить к возникновению государственного бюрократизма, к повторению тех огромных ошибок и страшного опыта, который пережили мы. Мне кажется, что нынешняя форма хозяйствования — уже перевернутая страница, она может существовать еще лишь в неразвитых или слаборазвитых странах.

Таковы были наши понятия об экономических переменах. Из них возникли и соответствующие политические концепции.

От реформы экономической к реформе политической

Нам было ясно, что свободное коллективное хозяйство может существовать только в подлинно демократических условиях. Оно несовместимо с монопольной властью одной партии. Поэтому наши представления о демократических условиях с самого начала были безоговорочно связаны с современным плюрализмом. Немыслимо себе представить самостоятельно действующее предприятие и его директора, берущего на себя определенный риск и ответственность, при условии, что у них

будет опекун, или что директор будет назначаться каким-нибудь центральным органом. Для свободного коллективного хозяйства немислимо, чтобы одна партия, без контроля народа и без демократических выборов, разрабатывала планы и давала директивы на будущее, указывала пути дальнейшего развития. Такое положение противоречило бы интересам и воле абсолютного большинства народа. Нам было ясно, что надо добиваться плюралистической демократии.

Естественно, эту мысль можно было выдвинуть только в самом конце, начинать с нее было невозможно. Если бы мы эту мысль высказали, скажем, в 1963 году, то, само собой разумеется, на этом все наши планы и кончились бы.

В первых сообщениях об экономической реформе мы только упомянули, что советам следует отвести на предприятиях большую роль и что так называемая контрольная функция партии на заводах должна быть изменена — и уже этого было вполне достаточно, чтобы отвергнуть проект. В порядке информации скажу: этот первоначальный проект экономической реформы перерабатывался шесть раз, и существовали так называемые белая, желтая, красная и другие книги проектов. Внешне борьба все время велась вовсе не за ту реформу, которую я вам вкратце описал. В Политбюро этого никто не понимал и, думаю, никто не был в состоянии понять. Там всегда старались обнаружить сугубо политическую часть, которая у нас действительно была, но которую мы старались так вмонтировать, чтобы она не слишком выделялась. Но они ее находили сразу. Поэтому все возвращаемые проекты пестрели пометками: это — вон, а это — убрать...

Приходилось перерабатывать наново. В последнем проекте глава о роли советов, наконец, совсем выпала, протолкнуть ее не удалось. И все-таки, несмотря на это, мы решили: надо бороться за экономическую реформу и в таком виде, потому что это — первый шаг. Посредством экономической реформы мы должны прийти к демократизации политической системы.

Не знаю, стоит ли на этом так подробно останавливаться. Я хотел только упомянуть, что в нашей среде было два направления: одно стремилось только к плюрализму (большее количество политических партий), а другое — должен сказать,

Приложение

что я принадлежу к нему и защищаю его и сегодня — пытаюсь искать нечто новое. Мы считали, что форма политических партий — это старое, отжившее, что уже и на Западе она себя не оправдывала. В сущности во всех партиях все решает небольшая группа, масса же рядовых членов фактически на политику партии не имеет никакого влияния. Партии — это в каком-то смысле такие институты, где отдельные люди делают себе политическую карьеру. Партийная система — это не та система, которая могла бы обеспечить то, к чему мы стремимся, а именно: эластично объединять группы людей с общими интересами (которые могут быть долговременными или кратковременными) для достижения определенных целей, после чего люди могут свободно расходиться. Мы стремились создать более гибкую систему плюрализма. В этом направлении, если вы заметили, уже делались шаги в народном фронте. Мы пытались провести это на практике и через народный фронт прийти к различным организациям: молодежным, культурным, общественным; к самым разнообразным группировкам, связанным общими интересами и добивающимся осуществления той или иной идеи общественного развития.

Этот плюрализм мы предполагали обеспечить новой системой выборов, чтобы люди могли свободно (в полном смысле слова) выбирать по двум или даже по трем направлениям. По этому вопросу у нас происходили дискуссии: нужны две или три палаты в парламенте? Во всяком случае, мы хотели предоставить возможность промышленникам, сгруппированным согласно их интересам, выбирать своих представителей в палату промышленников, а той части общества, которая состоит из потребителей, заинтересованных не в промышленном, а в гуманитарном развитии страны, то есть писателям, врачам, учителям, публицистам, работникам искусства и т.д., выбирать своих представителей; таким образом, обеспечивалось бы осуществление двух основных направлений интересов — промышленного и непромышленного; кроме того, внутри каждого из них в свою очередь развивались бы плюралистические представления о том или другом изменении.

Это был путь, которого добивались мы и которого больше всего боялись они. Они знали, что это означало бы конец

партийной бюрократии, знали, что этот путь означал уничтожение власти аппаратчиков. Поэтому вполне объяснимо их сопротивление реформам у нас и давление со стороны тех государств, правящие клики которых ставились под непосредственную угрозу развитием событий в Чехословакии.

В заключение я хотел бы сказать, что мы не были столь наивны, чтобы не предвидеть угрозу со стороны Советского Союза, угрозу интервенции. Поэтому, вплоть до свержения Новотного, мы вели целенаправленную терпеливую борьбу. Я подчеркиваю — терпеливую, так как мы делали все, чтобы преждевременно себя не обнаружить: наш каждый шаг, нашу борьбу за каждого передового человека, за каждую позицию. Неторопливо и терпеливо мы старались все это довести до нашей цели — создания современного гуманного социалистического общества. Потом, после свержения Новотного и возникновения компромиссной власти, мы внезапно очутились в трудном положении. Поймите: против Дубчека и его направления мы, реформаторы, бороться не могли, это было невозможно, так как эти люди превратились в народных представителей. Наоборот, мы старались все время находиться с ними в связи. Мы видели, что в их среде начинаются колебания, понимали, насколько они опасны и что готовят консервативные элементы. Командных постов у нас не было. Сначала наверху я был один, затем ко мне присоединились еще два-три человека, попавшие в Политбюро. Мы не занимали господствующего положения, мы ничего не могли изменить, не могли обратиться с какими-нибудь призывами к народу. Вы знаете, что уже только из-за того, что нам удавалось пробиться к телевидению, были крупные неприятности. Мои выступления по телевидению на экономические темы всегда принципиально отличались от позиций, занимаемых верхушкой.

Но несмотря на все трудности, людям нужно было сказать правду, мобилизовать их. Много ли это значило? Ведь выступления наши, собственно говоря, были нелегальными, вызывавшими к тому же взрывы недовольства со стороны правительства, протесты в Политбюро и т.д. Но с этого момента у нас уже не было иного пути.

Единственным спасением был съезд — если удалось бы созвать его в апреле. Было совершенно очевидно, что абсо-

Приложение

лютное большинство делегатов, после всех грандиозных разоблачений, после всей прошедшей кампании, стали нашими, прогрессивными людьми, и съезд наверняка сменил бы руководство. А новое руководство крепче держало бы власть в руках и могло бы отстоять наши реформы, помешать провокациям. Все могло бы пойти по иной дороге. Возможности существовали. Но мы просто-напросто не смогли выиграть бой. Мы видели и понимали надвигающуюся опасность, но возможности избежать ее у нас не было. Мы не могли выступить, как я сказал уже выше, против Дубчека — нас никто бы тогда не понял. Вспомните весенние месяцы: Дубчек стал символом “весны”, и всякая оппозиция против него заранее была обречена на успех. Но руководство Дубчека было компромиссным, решение данной проблемы оно оттягивало и затянуло до тех пор, пока не стало уже поздно.

Может быть, я забегая вперед. Мы сможем поговорить об этом еще во время дискуссии. Но я не хотел бы этим закончить. Мне хочется ответить на тот вопрос, который мне обычно задают: если вы добивались такого рода перемен, то должны же вы были знать, как это подействует на советское руководство, на Ульбрихта, на Гомулку и других?

Конечно, мы все это знали, но, к сожалению, в весенние месяцы мы, реформаторы, не управляли событиями, мы, как я уже сказал, попали в очень трудное положение. И главного боя, боя за созыв съезда и за смену руководства, нам выиграть не удалось. В этом, к сожалению, суть нашего проигрыша. И все-таки я надеюсь, что несмотря на все это, наша работа и борьба не были напрасными.

Я глубоко убежден, что этот процесс повторится и в самом Советском Союзе. Пусть он наступит там позже, чем в Чехословакии, но все симптомы того, что было у нас в начале шестидесятых годов, налицо. Там созревают совершенно те же проблемы, идет такая же кристаллизация, и существуют только две возможности. Либо верх одержит сталинское руководство, что может привести к мировой катастрофе, так как это означало бы победу того крыла, которое будет удерживать власть даже ценой всеобщего уничтожения... Но я лично не верю в победу этого крыла. Я верю, что в СССР сильней другое крыло, и сильней

оно тем, что получает уже сегодня, как это было в Чехословакии, может быть, еще незаметную и небольшую, но усиливающуюся с каждым днем поддержку снизу. Прогрессивное движение всегда начинается с интеллигенции: людей культуры, науки, искусства, студентов; затем захватывает круги прогрессивно мыслящих рабочих и постепенно проникает в толщу народа. Оно развивается длительно, но неуклонно. Что касается сроков — я оптимист, хотя на вопрос о том, когда же это произойдет, сегодня ни я, ни кто другой не в состоянии ответить. Это зависит от слишком многих не только внутренних, но и внешних факторов. Думаю, что этому движению события нашей “пражской весны” уже помогли. Теоретическое же содержание “весны”, вероятно, поможет еще больше.

* * *

К этому докладу сделаю один комментарий. Я хочу обратить внимание читателя на мнение Ота Шика о расширенном воспроизводстве при том строе, который он и его товарищи хотели видеть в ЧССР.

О.Шик говорит: “Следовало дать возможность и промышленным предприятиям за свои средства самим открывать новые предприятия, но таким образом, чтобы у них была в этом заинтересованность.”

На 1-ом Конгрессе движения “Третий путь” (Западная Германия, 1974г.), в котором Ота Шик принимал участие, я имел с ним полемику по этому поводу. Я говорил о том, что заинтересованность тут может быть только одна — нанимать работников на дочерние предприятия в качестве наемной силы, а не совладельцев. Но и этой заинтересованности будет мало, чтобы перевесить риски такого расширения, и расширенное воспроизводство будет идти очень кисло. Говорил о необходимости вести расширение с помощью специальных государственно-кооперативных фондов. Ота Шика я конечно не убедил, но кажется смутил.

А теперь приведу пример того, что альтернатива государственному социализму и капитализму “давалась” в прошлом и в России.

Приложение

Предоставим для этого слово **Дмитрию Менделееву**. А именно, приведем выдержку из его книги **“К познанию России”**, опубликованной в 1906 году.

В главе **“Складочные капиталы, монополии и артельно-кооперативное производство”** Менделеев писал:

“Мне нечего доказывать, по очевидности того, что фабрично-заводская промышленность, а вместе с нею горная и перевозочная страдают нередко от капитализма, жадного до больших заработков. Не вставляя промежуточных посылок, скажу прямо, что есть три способа борьбы с этим злом и все они более или менее имеют уже приложение в практике. Эти три способа назовем: складочными капиталами, государственно-монопольными предприятиями и артельно-кооперативными.

Под названием складочных капиталов я подразумеваю развитие промышленных предприятий на счет капиталов мелких вкладчиков, будут ли то акционеры, непосредственно участвующие в предприятии или действующие при помощи промышленного банка.

В идеале можно себе представить заводы и фабрики, основанными на складочные капиталы, поступившие от самих же работников и потребителей, действующих на тех же или на других фабриках и заводах. При этом способе действия капитализму в собственном смысле слова будет мало простора, в особенности если банки будут затеваться не отдельными капиталистами, а преимущественно, при широком покровительстве государства, складочными мелкими капиталами, так как в одни руки при этом не будет попадать больших банковских кушей. Но все же нельзя закрывать глаза на то, что этот способ не устраняет биржевой или банковской игры и наживы отдельных лиц в такой мере, какая возможна в действительности, а потому способ, названный мною складочными капиталами, составляет скорее путь для развития промышленности, чем путь для борьбы с капитализмом.

Путь казенно-монопольных предприятий, у нас теперь существующий в виде винной монополии, а во Франции применяемый в виде табачной и спичечной монополии, а также косвенный в виде тех или иных форм откупа, рекомендуется в настоящее

время в России с разных сторон, в особенности благодаря блестящему финансовому успеху нашей винной монополии. Но я лично считаю долгом сказать, что не принадлежу к поклонникам многообразных монополий по той причине, что монополии отнимают огромный заработок от народа и, на манер социалистический, всех участников делают чиновниками, действующими хотя для личного интереса, но не способами этих личных интересов, всегда сопряженных с конкуренцией, которая составляет первый задаток всякого рода прогрессивных улучшений; иначе сказать, я полагаю, что монополии должны губить самостоятельность, находчивость и всякую прогрессивную инициативу, опирающуюся на личные побуждения и желания. Особенно я боюсь за “качество” науки и всего просвещения и за общую этику при “государственном” социализме, как и при социализме “антигосударственном”. Оба во многом сойдутся.

А потому, говоря кратко, я склоняюсь в пользу винной и табачной монополии, но только именно их, но не каких-либо иных, которые предлагаются с разных сторон, например, сахарной, спичечной, чайной, нефтяной, даже железной и т.п., по той причине, что монополии не дают места конкуренции и вообще сильно стесняют промышленную предприимчивость, а ее у нас именно нужно развивать, убивать же в зародыше — просто грех, а развивать можно только при свободе конкуренции.

Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма, со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям и к общинному хозяйству. В особенности ясна возможность этого при знакомстве с Уралом, где многие металлургические дела ведутся издавна артельными приемами, хотя и в сильной донныне зависимости от предпринимателей.

Развитие артельно-кооперативного производства возможно с пользой для хода дела, конечно, при том условии, что и для простых участников рабочих артелей будут открыты доступы к высшим видам образования.

Рисуется дело для меня в таком виде, что многие предприятия могут быть переданы, с надлежащим контролем, ар-

Приложение

тельно-кооперативному хозяйству. Наиболее легко выполнимо это по отношению к некоторым ныне убыточным казенным заводам и к основанию новых заводов, а отчасти при выкупе задолженных частных заводов, которым все равно приходится — ради судьбы рабочих — выдавать субсидии от правительства.

Возможность всего этого в настоящее время, когда действует уже множество коопераций, например, потребительных, не только за границей, но и у нас, мне кажется очевидною. А развивать дело можно до великого преобладания, разумно сливая в одну кооперацию как образованных руководителей и надсмотрщиков всякого рода, так и исполнителей. Дело, конечно, окажется в каждом частном случае очень сложным, но велико заблуждение тех, которые думают, что предстоящее России можно выполнять легко и просто, одним мановением руки или одними пламенными желаниями и горячими речами, да узаконенными предписаниями, скопированными с “примера Западной Европы”. Надо свое обдумать, попробовать, видоизменять и — доходить до конца, а не бросать зря.”

Позволю себе вновь несколько комментариев.

Ясное виденье Менделеевым будущего России представляется почти мистическим, особенно на фоне слепоты нынешней нашей интеллектуальной элиты. Взять хотя бы мнение Менделеева об опасностях “складочных капиталов” и “казенно-монопольного способа”, его опасения по поводу неустранимой при этом биржевой и банковской игры или опасения за качество науки, просвещения и “общую этику” при “государственном и антигосударственном” социализме. Уже в начале века он различал и предвидел такие формы социализма!

Ну, а уж его анализ преимуществ “артельно-кооперативного” способа борьбы со “злом капитализма” представляется удивительным по дальнорукости. Он угадал даже конкретные обстоятельства развития этого “способа”.

Из того, что Менделеев противопоставляет артельно-кооперативные предприятия “складочным”, да и из самой сути

"Реакция, религия и социализм"

артельного труда, когда работники артели трудятся только на самих себя, следует, что Менделеев имеет тут в виду кооперативы без внешних собственников, иначе говоря, основанные на принципе "кто не работает, тот не владеет". Именно о подобных кооперативах мы и вели речь в этой книге.

Откуда у Менделеева такая зоркость виденья будущего — от гениальности? Сомневаюсь. Главное, наверное, в его свободе от всяческих идеологических догм, прежде всего марксистских, в способности и смелости смотреть на вещи своими глазами и доверять своим глазам, своему здравому смыслу.

* * *

Последним пунктом приложения предлагаю вниманию читателя свою статью, которая мне представляется важной для понимания природы человека. Статья была впервые опубликована в русском эмигрантском журнале "22" (Израиль, 1979 г., № 9).

"Реакция, религия и социализм"

После всех революционных эпох, как правило, наступает реакция, которая вместе с благотворной переоценкой ценностей, идей и идеалов несет с собой упадок духа и новые, другого знака крайности, а тем самым — угрозу новых катаклизмов!

В этой склонности кидаться из крайности в крайность, особенно гипертрофированной у интеллигенции в России, видится одно из самых опасных свойств человеческой природы. Сейчас же, тем более в такой стране, как Советский Союз — атомной супердержаве, подобная реакция представляется особо опасной и для народов СССР, и для всего человечества.

Одним из характерных проявлений нынешней реакции представляется и распространенное в среде советских гуманитариев упование на возрождение религии (прежде всего, конечно, православия) как панацеи от всех бед, как условия, необходимого и достаточного для "спасения России", а затем и всего мира...

О распространенности такой "реактивной" переоценки социальной роли религии в среде советской интеллигенции говорит и факт возрождения попыток создания "новой" рацио-

Приложение

нальной религии без трансцендентного и мистического элемента и соединения подобной религии с социализмом, подведения ее в качестве духовной основы под здание нового гуманного и демократического социализма. В связи с этим феноменом хотелось бы высказать здесь ряд соображений.

Наиболее серьезные усилия по созданию новой, рациональной религии и ее соединению с социализмом предпринимает, я думаю, Валентин Турчин* в книге “Инерция страха” (Нью-Йорк, “Хроника-Пресс”, 1977).

Турчин считает, что социализм и прежде привлекал к себе широчайшие слои людей своей скрытой религиозностью.

Таковую Турчин усматривает в направленности социализма к единению людей. Это стремление Турчин считает религиозным. В религиозном чувстве и сознании Турчин видит два компонента: веру в трансцендентность Духа (в Бога, в бессмертие души) и стремление к единению людей. Однако, по мысли Турчина, беда была в том, что идеологи социализма, и более всего марксисты, отвергали религиозную сущность социализма и стремились придать ему научный характер, насилуя и социализм, и науку. В конечном счете марксизм сотворил идеологического кентавра — смесь псевдорелигиозного догматизма с псевдонаучным доктринерством, чем безусловно усилил привлекательность своего социализма в эпоху всеобщего почтения ко всему научному.

Турчин полагает, что религиозная суть социализма должна быть признана и социализм в качестве новой религии (без веры в трансцендентность Духа, в Бога и т.д.) должен прийти на смену традиционным, устаревшим, по мнению Турчина, религиям. Социализм должен стать новой и глобальной религией человечества, способствуя интеграции общества на новом, духовном и культурном, уровне. На уровне, высшем по сравнению с интеграцией экономической, характерной для капитализма, и механической, насильственной, казарменной, характерной для современного тоталитарного социализма.

---

* Валентин Турчин, доктор физических наук, ветеран правозащитного движения, в начале 70-х годов возглавлял советское отделение “Международной Амнистии”. Под давлением КГБ вынужден был эмигрировать из СССР в США.

На мой взгляд, на взгляд сторонника нового, демократического социализма и человека неверующего — здесь все хорошо, кроме представления о таком социализме — как о новой религии, да еще глобальной. Я вижу в этом неосознанную, может быть, уступку распространенным среди советских интеллигентов “реактивным” религиозным настроениям, которые видятся мне часто следствием либо страха перед вновь обретенной внутренней свободой, либо непривычки жить без универсальной, все объясняющей идеологии.

Социализм, думается, может стать новой глобальной религией человечества, как предсказывает Турчин, лишь в том случае, если он действительно обладает имманентной религиозностью. Но нет никаких серьезных оснований для такого представления, если конечно не принимать всерьез усилий советской пропаганды заимствовать религиозные формы и методы для воспитания слепой веры в догмы официальной идеологии.

Если не принимать гипотезы о существовании трансцендентных сил, то “религиозное” стремление к единению надо признать вытекающим из природы человека, существа, наделенного сознанием и осознающего смертность всего живого, именно из стремления найти защиту от страха перед временем и смертью. Всю нашу жизнь, все наши усилия в течение всей жизни и каждого дня можно представить как борьбу со временем, влекущим нас к концу, как стремление наполнить время и тем самым растянуть его и притормозить его бег.

Но как и чем можно наполнить время, находясь в одиночестве? И поэтому нашу жизнь можно представить и как ежеминутную борьбу с одиночеством, с отчуждением всяческим (от людей, общества, истории).

Страх перед Смертью очевидно все объясняет в человеческой природе: стремление к Добру и Злу, альтруизм и эгоизм, способность к сопереживанию и бесчувственность, стремление к единению и его антипод — стремление к самоутверждению.

Иными словами, для людей неверующих нет никакого смысла вводить термин “религиозное” для объяснения любых фундаментальных стремлений и потребностей человека. Лишь неосознанность истока этих стремлений может вызвать предположение об их религиозном характере.

Приложение

В социальной жизни стремлению к самоутверждению соответствует направление к индивидуализму и либерализму, а стремлению к единению — коллективизм и социализм. Но важнейшим мы должны признать стремление к единению. Ибо единение дает человеку и наиболее сильную защиту от страха перед Временем и Смертью. Если человек не ожесточен жизнью, здоров психически, не потерял благорасположения к людям, то и к самоутверждению он стремится для единения с людьми, чтобы быть им нужным. И в этом случае самоутверждения ищет, что называется, на добром поприще. Лишь ожесточенный сердцем человек к самоутверждению стремится для господства над людьми (на любом поприще!), для удовлетворения своей агрессивности (для отвода вовне своего стремления к смерти — по Фрейдю).

И если говорить, что социализм привлекает к себе людей своей скрытой якобы религиозностью, то можно сказать, что и религия привлекает своей социалистичностью, так как и она дает людям чувство (или иллюзию) единения.

И религия, и социализм привлекают к себе людей по одной и той же в сущности причине: отвечают стремлению найти защиту от страха перед Временем и Смертью. Но социализм, если стоять на той же точке зрения, всего лишь политическое движение к созданию социальных условий для более полного единения людей. (В идеале даже лозунг марксистского социализма “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” подразумевался как переходный к лозунгу “Люди всех стран, соединяйтесь!”)

Пойдем дальше. И социализм, и религия не только притягивают, но и отталкивают людей по сходной причине: ущемляют стремление к самоутверждению, к индивидуализму. Нарушают, точнее, нарушали до сих пор гармонию между двумя этими фундаментальными стремлениями человека.

“Если не я за себя, то кто за меня? А если я только за себя, то зачем я?” Либерализм и индивидуализм толкали человека быть только за себя, а социализм и религия (речь идет прежде всего о христианской религии) мешали человеку быть за себя. (Протестантство — очевидная попытка снять это противоречие.)

И во всех случаях (а не только в одном — социалистическом, как утверждает, например, И. Шафаревич в книге “Социа-

лизм") это приводит к противоречию с природой человека, к глубокой неудовлетворенности и деморализации людей.

И, думается, целью "моделирования" нового, гуманного и демократического социализма должно быть не воплощение его в новую религию, а разработка и создание такой новой социальной структуры и такого нового социалистического мировоззрения, которые могли бы способствовать нарастанию гармонии между стремлением к самоутверждению и единению. Я разделяю убеждение, которое находит теперь все новых и новых приверженцев, что искомой структурой является общество социалистического самоуправления с особой, высшей представительной демократией в политической сфере и с преимущественно групповой собственностью на средства производства и рыночной системой в экономической сфере.

Участники движения "Третий путь" в Европе так, к примеру, формулируют цель этого движения: "Оно должно вести нас к большей свободе, индивидуализму и либерализму в духовной и культурной жизни, к более широкой демократии в государственной и политической жизни и к новой, ассоциативной, товарищеской форме социализма в хозяйственной жизни".

Приятно удивляет здесь, что авторы этой формулировки, молодые люди, не прошедшие нашего тоталитарного опыта, не ограничились словом "свобода", а поняли необходимость добавить, подчеркнуть: "к индивидуализму и либерализму..." Не побоялись употребить эти презренные для старых социалистов слова!

Но стремление видеть в социализме новую религию Турчин мотивирует еще и следующим соображением. Существует мнение, что якобы одна из главных задач любого мировоззрения — отыскание цели жизни. И Турчин, признавая, что только религия способна к этому, хочет видеть в будущем гуманном социализме новую глобальную религию человечества без веры в Бога, но с верой в абстрактно формулируемую Высшую или Сверхличную Цель.

Однако философия общества социалистического самоуправления (а Турчин в целом сторонник такой системы) не должна, думаю, ставить своей задачей поиск и формулировку Высшей Цели жизни по той простой причине, что она давно

Приложение

уже известна людям! Если конечно исходить из того, что Цель должна соответствовать человеческой природе, а не чему-то внешнему.

Известный советский врач-хирург Н. Амосов опубликовал в 60-х годах книгу-эссе “Мысли и сердце”. В ней есть такой эпизод. Автор размышляет о своих сотрудниках, задаваясь вопросом: у кого какая цель в жизни? У одного это, скажем, карьера, у другого — семья, у третьего — что-то еще или ничего нет, никакой ясной цели. А про одного из сотрудников Амосов бросает: ну, а ему, впрочем, и не нужна никакая особая цель, потому что он по-настоящему добрый человек!

Вот и все. Вот и сформулирована Высшая и Сверхличная Цель жизни: приумножать Добро в мире, оставить добрый след. Цель, давно известная людям, дающая им защиту от страха перед Временем и Смертью и делающая осмысленными и неэфемерными все наши остальные “особые” цели. И иной Высшей Цели человеку не найти. Вопрос состоит в том, как ей следовать и иметь к тому желание, мужество, а также и возможность*.

Поэтому и нет нужды, думается, искать замену традиционным религиям, которые дают в сущности тот же самый ответ, только заменяя слово “Добро” словом “Бог”. Притом, что следовать заветам Бога для верующих оказывается делом столь же трудным, как и заветам Добра для неверующих. Наверное даже труднее, потому что до конца поверить в Бога и бессмертие души большинство людей не может — особенно на современном уровне развития.

Именно эта невозможность для мыслящего существа без сомнений верить в Бога и в загробную жизнь души предопределяет неспособность религии служить панацеей от всех бед. Сомнение это, всегда живущее в подсознании, то есть неполная вера, лишь усиливает напряжение суетных страстей.

---

* Понятие Добра, как и Бога, подвержено разумеется постоянному развитию, углублению, переосмыслению и т.д., и также подчиняется принципу “апофетизма”, или несводимости к какому-либо составляющему понятию. Утверждение социализма и нового социалистического мировоззрения (и их эволюция) будут конечно способствовать и эволюции понятия Добра как Высшей Цели.

Помни о смерти! О Страшном Суде! О спасении души! — твердит религия. А если ничего нет после смерти?!

“Если Бога нет, то все дозволено!” Вдумаемся. Ведь нет более страшной и деморализующей формулы. За нею — отчаянное стремление подавить это апокалипсическое для верующего сомнение. За нею — неверие верующего!

— Вы верите в бессмертие души? — в глубоком смятении спросил *меня* однажды пожилой религиозный человек (зная, что я — неверующий). Господи! Как жаль мне стало этого человека. Сомнение противоположное — а вдруг Бог есть? — не разрушает душевного равновесия неверующего и может послужить лишь дополнительным стимулом вести себя достойно!

Но когда опора всех духовных сил в Вере?.. “Если вам труден путь Веры, берегитесь, чтобы он не стал для вас дорогой в ад!” (Ницше).

Есть ли Бог, нет ли его — в любом случае все дозволено! Выбор в любом случае за нами, за нашей совестью*.

Но может быть религия — опора для совести, для нравственного сознания? Сомнительно! Окинем взглядом всю кровавую историю религиозных войн и наш повседневный опыт. Слишком много было и есть бессовестных и безнравственных людей среди верующих. А ведь нет ничего страшнее человека верующего, но безнравственного.

Короче, уж коли традиционные религии сами по себе не способствуют повышению нравственного уровня в обществе, то чего же ждать от каких-либо новых, рациональных религий?*

Нам вряд ли есть на что иное надеяться, кроме как на развитие такой социальной структуры, при которой будет расширяться возможность реализации самого важного и великого права человека — права делать добро! Права быть добрым и через то добиваться и самоутверждения, и единения с людьми.

---

* Откуда совесть? От Бога? Сомнительно. Тогда она должна бы быть малость покрепче и более распространена среди людей! Для меня отсюда главное сомнение в существовании Бога. Ведь наличие совести не уменьшает “дарованной нам Богом” свободы выбора между Добром и Злом, а увеличивает, как компас, свободу путешественника.

Приложение

ми. Без возможности делать добро — реальное и серьезное — только единицы могут оставаться добрыми и порядочными людьми. И бесплодны без этого надежды на нравственное и духовное самоусовершенствование, на внутреннюю свободу и т.п. Если вдуматься, разве не для реализации — в конечном счете — этого великого права ведется и вся борьба за “частные” права человека?

Наконец, стремление воплотить новое социалистическое мировоззрение в новую глобальную религию человечества представляется не только бесполезным, но и опасным! Ведь вновь может возникнуть соблазн представить это мировоззрение всеохватывающим и самодостаточным, единственно верным и истинным!

Я разделяю точку зрения, что мировоззрение нового социализма не должно быть ничем больше, нежели суммой взглядов и принципов желательного социально-экономического развития в направлении большего соответствия общества природе человека. Социализм, зиждящийся на мировоззрении, не претендующем подменить собой религию, не претендующем на глобальность, самодостаточность и универсальность, оставляет свободу для развития любого иного мировоззрения и философии, хотя конечно при этом он может оказаться непривлекательным для людей, приверженных или привыкших к универсальной идеологии и не приспособленных к плюрализму. Но это и неплохо, что такие люди не будут примыкать к борьбе за новый социализм!

---

* Я далек от того, чтобы отрицать позитивную роль религии в истории, в том числе в формировании этических принципов, то есть в осознании природы человека. Но роль эта уже в прошлом, хотя религия помогает и будет помогать многим жить и оставаться людьми, как, впрочем, помогает и будет помогать другим оставаться нелюдьми.